

Жирнов Андрей Викторович
магистр экономики
аспирант кафедры экономики, университет “СИНЕРГИЯ”
Москва, Россия

Оксюморон «награда волонтеру» в контексте проведения специальной военной операции: государственная дихотомия военных и гражданских

Аннотация. В статье рассматривается выражение «награда волонтеру» как социолого-правовое противоречие, возникшее на стыке гражданской помощи, военной повседневности и государственной политики признания. Акцентируется внимание на противоречии, заложенном в этом выражении, которое отражает сложные взаимоотношения между государственной политикой, гражданским обществом и военными реалиями в условиях специальной военной операции. Материалом стали нормы российского законодательства о добровольчестве и ветеранах, официальные сведения о развитии добровольческого движения, а также научные работы о гражданско-военных отношениях и мотивации волонтеров. Методика соединяет дескриптивный анализ сложившихся практик и предиктивный анализ их возможного развития до 2030 г. Показано, что награда не отменяет добровольный мотив, если фиксирует конкретный труд и не подменяет правовой статус риска жизни.

Ключевые слова: добровольчество; волонтерство; награда; специальная военная операция; гражданское общество; гражданско-военные отношения; государственная политика; предиктивный анализ.

Zhirnov Andrey Viktorovich
Master of Economics
Postgraduate Student at the Department of Economics, SYNERGY University
Moscow, Russia

**Oxymoron "volunteer award" in the context of special military operations:
state dichotomy of military and civilians**

Abstract. The article examines the expression "reward to a volunteer" as a socio-legal contradiction that arose at the junction of civilian aid, military routine and state recognition policy. The author focuses on the contradiction inherent in this expression, which reflects the complex relationship between government policy, civil society and military realities in a special military operation. The material includes the norms of Russian legislation on volunteerism and veterans, official information on the development of the volunteer movement, as well as scientific works on civil-military relations and motivation of volunteers. The methodology combines a descriptive analysis of established practices and a predictive analysis of their possible development until 2030. It is shown that a reward does not negate a voluntary motive if it fixes a specific work and does not replace the legal status of life risk.

Keywords: volunteering; award; civic aid; special military operation; civil-military relations; state policy; predictive analysis.

Введение

Выражение «награда волонтеру» звучит спорно уже на уровне языка. Волонтер действует без оплаты и формального приказа, а награда вводит иерархию заслуг, публичную оценку и ожидание повторяемого поведения. В обычной ситуации это

противоречие почти не заметно: благодарность, грамота или знак воспринимаются как мягкая форма общественного признания. После 2022 г. та же связка получила иной вес, поскольку гуманитарная помощь участникам специальной военной операции и их семьям стала массовой, публичной и частично институционализированной.

К началу 2026 г. число зарегистрированных добровольцев в России превысило 9,3 млн человек. Эту цифру привело Минэкономразвития России в сообщении о развитии добровольчества и сектора СОНКО [6]. Такой масштаб подтверждает общий рост добровольческого движения, описанный Агафоновой и Ромашкиной [8]. Масштаб меняет сам язык признания. Пока помощь локальна, благодарность держится на личном знании: кто привёз груз, кто плёл сеть, кто оплатил доставку. Когда помощь проходит через платформы, штабы и публичные кампании, она попадает в поле учёта, конкурса, ведомственного поощрения.

Проблема статьи состоит в следующем: не разрушает ли награда саму природу добровольчества, если волонтерская помощь начинает оцениваться государством вблизи военного контура? Ответ не сводится к простому «да» или «нет». Награда может поддержать доверие и показать обществу ценность невидимого труда. Она же может запустить другую логику, где добровольность постепенно превращается в моральную обязанность, а символическое поощрение начинает закрывать разговор о защите, рисках и ответственности.

Цель статьи состоит в анализе оксюморона «награда волонтеру» через государственную дихотомию военных и гражданских. Задача дескриптивного блока: описать нормы, публичные практики и смысловые сдвиги. Задача предиктивного блока: показать вероятные траектории наградной политики и риски, которые могут усилиться к 2030 г. Так статья соединяет правовую плоскость, социологию признания и язык гражданско-военных отношений.

Методологические основания

Дескриптивный анализ в этой работе понимается как описание уже сложившейся картины: какие статусы различает право, какие формы признания закрепляет государство, как публичная награда меняет видимость добровольческого труда. Основу составляют Федеральный закон № 135-ФЗ, Федеральный закон № 5-ФЗ, акты о развитии добровольчества и официальные материалы о премии #МЫВМЕСТЕ [1; 2; 3; 4; 5]. Институциональный контур добровольчества уточняется через работу Федоренко и Мирошниченко [7].

Предиктивный анализ строится осторожнее. Он не предсказывает конкретные решения ведомств, а выявляет тенденции, которые уже проявились: цифровой учёт участия, рост значения волонтерских часов, сближение гуманитарной помощи с задачами безопасности, расширение публичных знаков признания. Концепция содействия развитию добровольчества до 2030 г. задаёт институциональный горизонт, в котором эти тенденции будут усиливаться [4].

Теоретическая рамка опирается на классические исследования гражданско-военных отношений. С. Хантингтон связывал устойчивость гражданского порядка с разграничением военной профессиональности и гражданского управления [11]. М. Яновиц описывал военную организацию как часть общества, а не как полностью отделённый от него институт [12]. Для рассматриваемой темы важен именно разрыв между этими линиями: волонтер остаётся гражданским лицом, но его труд нередко оказывается рядом с военной задачей.

Дескриптивный анализ: как награда входит в добровольчество

Российская нормативная база различает гражданскую добровольческую деятельность и участие в формах, связанных с выполнением задач Вооружённых Сил. Закон № 135-ФЗ закрепляет добровольчество как деятельность граждан и организаций, направленную на социально значимые цели и поддержку нуждающихся [1]. Закон № 5-ФЗ регулирует статус ветеранов и отдельные категории лиц, вовлечённых в выполнение задач

в ходе специальной военной операции [2]. Между этими режимами проходит граница: моральная помощь гражданина не равна военному или ветеранскому статусу.

Именно на этой границе рождается оксюморон. Волонтер не служит по приказу, но его труд может обслуживать среду, где действует приказ. Он не получает жалование за помощь, но может получить знак, грамоту, благодарность, публичное упоминание. Формально это разные вещи. В общественном восприятии различие часто стирается, особенно когда вручение наград проходит в торжественной обстановке и сопровождается риторикой долга.

Государство уже выстроило язык поощрения добровольчества. День добровольца установлен указом Президента РФ в 2017 г. [3]. Нагрудный знак «Доброволец России» введён как форма поощрения за добровольческую деятельность постановлением Правительства РФ № 552 [5]. Международная премия #МЫВМЕСТЕ работает как публичная площадка признания социальных инициатив; церемония 2024 г. проходила с участием Президента РФ [6]. Так волонтерская помощь получает не только моральный, но и официальный символический вес.

Так возникает дихотомия военных и гражданских. Военный риск связан со службой, приказом, оружием, дисциплиной и особым режимом социальной защиты. Гражданский волонтерский риск устроен иначе: дорога, сбор средств, контакт с травматичным опытом, репутационное давление, усталость, иногда близость к опасной зоне. Эти риски нельзя механически приравнять. Но и полностью игнорировать их нельзя, потому что помощь рядом с военной повседневностью редко остаётся бытовым делом.

Петров, Кокурин и Поздняков фиксируют, что «экстремальных волонтеров» отличают патриотизм, социальная вовлечённость, сопричастность и готовность к самопожертвованию [9]. Для темы награды это существенно. Государство награждает не только результат, но и тип мотива, который считает социально желательным. Отсюда появляется опасность: публичное признание может незаметно задать норму, будто хороший гражданин обязан помогать именно так, именно здесь, именно в таком формате.

При всём этом награда не обязана разрушать добровольность. Нормальная благодарность возвращает человеку ощущение, что его труд увиден. Проблема начинается там, где знак признания начинает заменять разговор о безопасности, компенсации затрат, психологическом сопровождении и прозрачности сбора помощи. Точнее, оксюморон становится разрушительным не в момент вручения награды, а тогда, когда награда начинает работать вместо институтов защиты.

Дихотомия военных и гражданских

Разделение военных и гражданских держится на правовом статусе. У военного статуса есть служба, подчинение, обязанности и гарантии. У гражданского статуса есть свобода участия, право на отказ, возможность помогать в выбранной форме. Волонтерская помощь возле СВО сдвигает границу, но не отменяет её. Гражданин может быть включён в общее дело эмоционально и организационно, оставаясь вне военной иерархии.

Награда делает этот сдвиг видимым. Для военнослужащего награда вписана в служебную биографию и систему дисциплины. Для волонтера она создаёт мост между частной инициативой и публичным признанием. Смысл моста двойной. Он укрепляет солидарность, потому что общество видит тех, кто несёт нагрузку в тылу. Параллельно с этим он может запутать статусы, если гражданская помощь начинает звучать почти как служебный подвиг.

В этом месте особенно важна точность языка. Не всякая помощь участникам СВО делает человека участником боевых действий. Не всякий знак благодарности порождает социальные гарантии. Не всякое публичное признание означает, что гражданский волонтер должен принять логику военного приказа. Закон № 5-ФЗ как раз показывает, что правовой статус строится через специальные основания, а не через общий моральный пафос [2].

Международная литература о добровольчестве тоже предупреждает о сложности отношений между волонтерами и государством. Доклад ООН о состоянии добровольчества подчёркивает, что партнёрство добровольцев и государства может менять распределение власти и ресурсов в обществе [13]. В российском случае этот вывод нужно читать приземлённо: чем активнее государство признаёт волонтеров, тем нужнее прозрачные границы между поддержкой инициативы и административным ожиданием участия.

Отсюда вытекает главный дескриптивный итог. Оксюморон «награда волонтеру» отражает не ошибку языка, а реальную гибридность статуса. Волонтер не военный, но его труд может обслуживать военную повседневность. Награда не оплата, но она вводит символическую иерархию. Государство не обязано отказываться от признания, но обязано не смешивать благодарность, мобилизационное ожидание и юридический статус риска.

Предиктивный анализ: возможные траектории до 2030 года

До 2030 г. наиболее вероятно нормализация наградной системы добровольчества. Концепция развития добровольчества до 2030 г. закрепляет курс на инфраструктуру, поддержку организаторов, обучение, цифровые сервисы и развитие культуры участия [4]. В такой логике награды будут восприниматься не как исключение, а как обычный элемент государственной и общественной политики.

Первая траектория связана со специализацией ролей. Волонтерские практики уже различаются: социальная помощь, донорство, поиск людей, гуманитарные сборы, сопровождение семей, психологическая поддержка. Чем точнее описаны роли, тем меньше риск смешения статусов. Награда за доставку гуманитарной помощи, за юридическую консультацию семьи или за координацию склада должна называться так, чтобы не подменять военный статус гражданским знаком.

Вторая траектория связана с цифровым учётом. Если число зарегистрированных добровольцев уже превысило 9,3 млн человек, то платформа будет становиться не только витриной участия, но и источником данных для управленческих решений [6]. Это даст больше прозрачности, но усилит зависимость от показателей. Часы, заявки и рейтинги удобны для отчёта. Для живой мотивации они опасны, когда начинают цениться выше реального доверия и качества помощи.

Третья траектория касается безопасности. Чем ближе помощь к военной повседневности, тем чаще возникнут вопросы маршрутов, персональных данных, финансовой прозрачности и психологического сопровождения. Награда без таких правил будет выглядеть красивой обложкой поверх сложной практики. Награда вместе с понятными процедурами безопасности может, наоборот, закрепить ответственную модель участия.

К 2030 г. наиболее устойчивым выглядит смешанный вариант. Государство сохранит поощрения и цифровой учёт, общественные организации будут добиваться автономии, а волонтеры начнут строже различать благодарность и использование. В лучшем случае награда станет языком памяти о конкретном труде. В худшем случае она превратится в мягкую форму давления: не помог, значит, недостаточно солидарен.

Обсуждение результатов

Оксюморон «награда волонтеру» продуктивен, пока он заставляет видеть противоречие. Добровольчество держится на свободе мотива, а государственная награда вводит внешний критерий признания; для отношений государства и гражданского общества это чувствительная зона сотрудничества [10]. Эти начала могут сосуществовать, если награда фиксирует вклад, но не покупает лояльность. Граница тонкая. На практике её легко нарушить торжественным языком, отчётной гонкой или попыткой показать добровольчество как доказательство единомыслия.

Наиболее аккуратная модель строится на трёх разграничениях. Добровольная помощь отделяется от служебной обязанности. Публичная благодарность отделяется от юридического статуса. Символическая награда отделяется от реальной защиты, если

волонтер сталкивается с риском. Когда эти границы проговорены, выражение «награда волонтеру» перестаёт звучать как подмена. Оно сохраняет напряжение, но не ломает смысл помощи.

Заключение

Проведённый анализ показал, что выражение «награда волонтеру» содержит реальное противоречие, но не обнуляет добровольчество. В российской ситуации 2022-2026 гг. это противоречие связано с ростом массовой добровольческой инфраструктуры, цифровым учётом участия, публичной премиальной системой и сближением гражданской помощи с задачами, возникающими вокруг специальной военной операции.

Дескриптивный блок показал: правовой статус гражданского волонтера и статус лица, включённого в добровольческое формирование или иной околвоенный контур, различаются. Закон № 135-ФЗ закрепляет добровольческую деятельность и её цели [1]. Закон № 5-ФЗ вводит категории ветеранов и специальные основания социальной защиты [2]. Награда не должна стирать эту границу. Она может признавать гражданский вклад, но не заменяет правовой статус.

Предиктивный блок выделил вероятные тенденции до 2030 г.: нормализацию наград, специализацию волонтерских ролей, рост требований к безопасности и отчётности, риск усталости от символики, напряжение между горизонтальной солидарностью и вертикальным признанием. Самый устойчивый вариант: государство поддерживает поощрение, а общественные организации сохраняют свободу мотива и уважение к невидимой работе.

Главный вывод таков: награда волонтеру допустима, когда она служит языком благодарности и памяти о конкретном труде. Она становится опасной, когда начинает покупать лояльность, маскировать недостаток социальной защиты или превращать гражданскую инициативу в негласную обязанность. Поэтому задача наградной политики состоит не в отказе от поощрений, а в точном разграничении добровольной помощи, публичного признания и юридического статуса риска.

Список источников

1. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/
2. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/
3. Указ Президента РФ от 27.11.2017 № 572 «О Дне добровольца (волонтера)». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/42521>
4. Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2025 № 4064-р «Об утверждении Концепции содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации до 2030 года». URL: <https://government.ru/docs/57455/> (дата обращения: 08.06.2026).
5. Постановление Правительства РФ от 27.04.2024 № 552 «О порядке поощрения и награждения за добровольческую (волонтерскую) деятельность». URL: <https://static.government.ru/media/acts/files/1202405070023.pdf>
6. Число добровольцев в России в 2025 году превысило 9 млн человек // Министерство экономического развития РФ. 16.01.2026. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/chislo_dobrovolcev_v_rossii_v_2025_godu_prevysilo_9 mln_chelovek.html
7. Федоренко К.А., Мирошниченко И.В. Государственная политика Российской Федерации в сфере добровольчества: институциональные основания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10, № 1. С. 70-85. DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-70-85.

8. Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. Современный этап развития волонтерства в России: динамика и ресурсы социального капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18, № 3. С. 236-252. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.13.

9. Петров В.Е., Кокурин А.В., Поздняков В.М. Личностные предикторы волонтерства в повседневных и экстремальных условиях // Психология и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 164-174. DOI: 10.17759/psylaw. 2023130412.

10. Орлова А.Н. Государство и гражданское общество: сотрудничество и взаимосвязь // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 243-250. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-243-250.

11. Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge: Harvard University Press, 1957. 534 p.

12. Janowitz M. The Professional Soldier: A Social and Political Portrait. New York: Free Press, 1960. 464 p.

13. United Nations Volunteers. State of the World's Volunteerism Report 2022: Building Equal and Inclusive Societies. Bonn: UNV, 2021. 132 p. URL: https://swvr2022.unv.org/wp-content/uploads/2022/04/UNV_SWVR_2022.pdf